

ИМПЛИЦИТНЫЙ СЧЕТ

Харченко О., студ. ПР-52

Имплицитность представляет собой недосказанность, отсутствие элемента в тексте, которое можно предположить из контекста.

Философия на этот предмет находится приблизительно в одинаковом положении с математикой. Отличие в том, что она оцепеневаает не перед внезапно облекающимися в абстрактные пропорции безмолвными числами, а перед их действенной природой. Тысячелетиями остаётся необъяснённой познавательная и практическая эффективность казалось бы всецело условных математических операций над числовыми консорциумами. Эти номинальные упражнения выступают для философского ума как самое впечатляющее присутствие чуда. Которое странным образом не обрушивает законы природы, а фундирует их, стихийно возникая прямо из произвольных актов рационального мышления.

В принципе, уже этого факта достаточно, чтобы радикально отрицать понимание числового строя, как экстенсивной (пользуясь выражением Гегеля – «равнодушной») рядоположности единиц. Индивидуация числа, как бога (Прокл), несравненно превосходнее таких интеллектуальных водружений. Число должно быть взято, как промечивание порождающего начала. Не лишь количественная реплика качества, а энергия его бытийного развёртывания и модуль восприятия. Проще говоря, число есть сознательная скрепа души (энергии переживания) и тела (наличного бытия). Это – непризрачная оправданность бытия. В числах есть складки – и числа есть складки *par excellence*.

С этой точки зрения философия чисел должна обратиться к категориальной интерпретации кардинальных числовых феноменов, математических констант.

Из этой имплицитной негативности философски легко выводимо, например, (1) такое экспериментально наблюдаемое, но математически исключительно трудно доказуемое, свойство числа «ПИ», как равная репрезентированность разных цифр и последовательностей цифр в его числовом представлении, или (2) появление «ПИ» в вероятностных задачах (схема бросания иглы Бюффона) – постольку, поскольку вероятность есть не что иное, как лишь поверхностное, несобственное, восприятие составляющих бытия (веро-ятность, как фиктивное самодовление изъяна веры).

Очень часто бывает необходимо или по крайней мере удобно такое языковое выражение, в котором несколько предметов или лиц объединяются в единство высшего порядка. Следует различать несколько способов, при помощи которых можно достигнуть такого объединения.

Во-первых, форма множественного числа может быть употреблена сама по себе. В английском языке это делается с большой легкостью, неизвестной ни в каком другом языке: для этого достаточно поставить неопределенный артикль или другое местоимение в единственном числе перед сочетанием слов, имеющих форму множественного числа: ср. *that delightful three weeks* „эти восхитительные три недели“, *another five pounds* „еще пять фунтов“, *a second United States* „вторые Соединенные Штаты“, *every three days* „каждые три дня“, *a Zoological Gardens* „зоологический сад“ и т. п. Без сомнения, возможность подобных конструкций обеспечивается главным образом тем, что предшествующее прилагательное не содержит в себе указания ни на множественное, ни на единственное число; сочетание типа *that delightful three weeks* было бы несовместимо с нормами языка, в котором *delightful* имело бы отчетливую форму единственного или множественного числа. Но в английском языке форму без флексии можно легко сочетать как с формой множественного числа *that*, так и с формой множественного числа *three weeks*.

Во-вторых, объединения множественности можно достигнуть путем образования особого существительного в единственном числе. Так, в греческом от *deka* „десять“ мы находим существительное *dekas* „десяток“, лат. *decas*, откуда англ. *decade* „десятилетие“; во французском языке сюда относятся слова на *-aine*: *une douzaine, vingtaine, trentaine* и т. д.; первое из них проникло в ряд других языков: *dozen, Dutzend, dusin*. Греческому *dekas* в германских языках соответствовало существительное (гот. *tigus*), входящее, как известно, в состав сложных слов — англ. *twenty* „двадцать“, *thirty* „тридцать“ и т. п., нем. *zwanzig, dreißig* и т. д. Таким образом, первоначально это были существительные, хотя теперь они стали прилагательными. Лат. *centum, mille*, англ. (герм.) *hundred* „сто“, *thousand* „тысяча“ были также существительными подобного рода, о чем еще сейчас напоминают случаи типа франц. *deux cents* и употребление *a* и *one*: *a hundred* „сто“, *one thousand* „одна тысяча“; ср. также *a million* „миллион“, *a billion* „миллиард“. Любопытным типом наполовину опрошенных сложных слов являются лат. *biduum, triduum, biennium, triennium*, обозначающие периоды времени в два или три дня или года.

Наук. керівник – Швачко С.О., д.філол.н., проф.